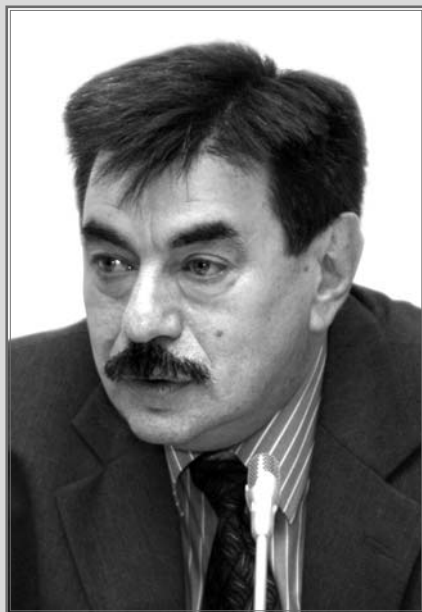

Этнические конфликты в постимперской России

Термин «постимперский» широко употребляется в общественно-научном сообществе для характеристики современной России, хотя степень информативности его невелика. Он отражает лишь одно – некое промежуточное состояние страны на лестнице исторических стадий: признаки империи как будто бы стираются, а признаки государства-нации еще не проявились. Этнические конфликты явственно проявляют эту неопределенность ситуации страны, попавшей в межстадиальную яму: вертикальные основы интеграции различных этнических общностей слабеют, а новые связи между такими общностями, основанными на гражданской интеграции людей, осознающих себя источником власти в государственной нации, пока не формируются. Попытки искусственно реанимировать «вертикаль кнута», предпринимаемые в России с 2000 года, не дают результата, и разнообразные этнические конфликты – тому вернейшее доказательство.

Напомним, что почти полтора века назад Эрнест Ренан показал, что наличие территориальных и этнических конфликтов является свидетельством несформированности политической нации. При этом попытки силой удержать единство страны не соответствуют сущности такого явления, как нация: «В той системе, которую я вам предлагаю, – отмечал Ренан, – нация, как и король, не имеет право говорить провинции: “Ты мне принадлежишь, я беру тебя”... Для нации никогда не представляло настоящей выгоды присоединять или удерживать страну вопреки ее желанию. В конце концов, желание нации – единственный законный критерий, к которому нужно всегда

*Эмиль Абрамович Паун,
доктор политических наук,
профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
научный руководитель московского
офиса Института Кеннана,
former Woodrow Wilson Center Guest
Scholar, former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow*

возвращаться»¹. Накануне сдачи этой статьи в редакцию проявились новые доказательства того, что различные этнические территории России так и не переплавились в единое национальное сообщество, поэтому в периоды политических кризисов (а нынешний не вызывает сомнений) постоянно проявляются болезненные нестыковки элементов территориально-политического тела страны². Новый виток противостояния глав «субъектов Федерации» – Чечни и Ингушетии, Дагестана и Ставрополя, Северной Осетии и Ингушетии – отражает, на наш взгляд, не эпизодическую, а системную, имманентную конфликтность в стране, находящейся в промежуточном состоянии между империей и нацией. В дополнение к этому в современных условиях России появился и новый фактор, вызывающий обострение этнических и религиозных конфликтов, – миграционные процессы. Этот фактор не столько исторический, сколько современный глобальный, проявляющийся почти одинаково во многих странах мира. Целью данной статьи является анализ влияния различных факторов на историческую динамику этнических конфликтов в России с 1990-х годов по настоящее время. Мы предполагаем, что формы конфликтов на разных этапах указанного исторического отрезка менялись, но их сущность сохранялась, поскольку она связана с незавершенностью процессов национальной консолидации России.

О сущности этнических конфликтов

Вся система понятий, используемая в научной литературе при характеристике этнических конфликтов, является

предметом дискуссий. Не существует единого общепринятого определения конфликта. Вместе с тем дефиниция конфликта, предложенная Льюисом Козером, является одной из наиболее распространенных в научной литературе. Американский социолог определял конфликт как *поведение, которое влечет за собой борьбу между противоположными сторонами из-за дефицитных ресурсов. Такая борьба включает в себя попытки нейтрализовать или устранить противника, а также причинить ему вред*³. В этой дефиниции подчеркивается, что не всякое противоречие и не всякая взаимная ненависть в сознании перерастают в конфликт, а лишь те из них, которые проявляются в межгрупповом поведении и реализуются в *конкретных действиях*, направленных против другой стороны. Эти действия могут быть различными – от психологической травли до физического насилия. Предмет конфликта – *дефицитные ресурсы* – понимаются в самом широком смысле, как некие блага (материальные и духовные), включая, разумеется, и территорию. Вытеснение одних сообществ другими с территории их проживания – одно из самых распространенных следствий конфликта.

В чем специфика этнических конфликтов? Этот вопрос давно является предметом дискуссий, поскольку некоторые конфликтологи полагают ненужным выделять такой тип конфликта в условиях современного мира, в котором все конфликты полифункциональны – в них переплетаются различные интересы (экономические, политические, этнические и др.). Американский конфликтолог Дональд Горвиц полагает, что об этнических конфликтах в полном смысле этого слова можно было говорить лишь в прошлом, применительно к

¹ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 т. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101 [http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.html].

² О конфликтах августа-сентября 2012 года см.: Земельные споры на Северном Кавказе // Вестник Кавказа. 2012. 12 сентября [http://www.vestikavkaza.ru/articles/Zemelnye-spory-na-Severnom-Kavkaze.html]. См. также: Спор вайнахов между собой // Газета.ru. 2012. 4 сентября [http://www.gazeta.ru/politics/2012/09/04_a_4753833.shtml].

³ См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Наука, 1985. С. 167.

традиционным обществам⁴. Политолог Монти Маршалл подчеркивает фундаментальную неопределенность сущности этнических конфликтов, отмечая, что «термин “этнический конфликт” стал эвфемизмом для внутригосударственных конфликтов, которые мы не можем объяснить и понять»⁵.

Эти аргументы не лишены оснований, однако переплетение в конфликтах разных интересов и неопределенность их целевых установок не означает, что этническая специфика в таких конфликтах полностью нивелируется. Этнические конфликты входят в особый класс межгрупповых конфликтов, стороны которых объединяются на основе так называемых аскриптивных (предписанных) идентичностей, таких как расовая, этническая, религиозная. Аскриптивные идентичности формируются в детстве и в большинстве случаев сохраняются на всю жизнь. Такие идентичности не только весьма устойчивы, но и высоко эмоциональны по восприятию. Всякое посягательство (реальное или кажущееся) на аскриптивные, наследственные идентичности воспринимается людьми с повышенной болезненностью, поэтому и конфликты, в которых сталкиваются группы в таком психологическом состоянии, характеризуются особым накалом страстей. Джэй Ротман отметил такую особенность этнических и религиозных конфликтов, как «неуловимость». Она связана с тем, что раздражителем подобных конфликтов выступают некие непонятные, неуловимые со стороны культурные символы⁶. Этнические конфликты к тому же глубоко субъективны, они опираются на аргументы истории, мифологии, по-разному воспринимаемые сторонами конфликта и поэтому зачастую оцениваемые сторонними наблюдателями

как беспричинные, иррациональные. Подобные конфликты труднее всего урегулировать, хотя бы потому, что они «идеалистичны», зачастую обращены к сакральному началу, поэтому стороны конфликта воспринимают, например, этническую территорию как явление священное. Иногда сама постановка вопроса о территориальных уступках как форме достижения компромисса между сторонами конфликта рассматривается как «святотатство».

Даже среди сторонников выделения этнических конфликтов как особого класса нет единства мнений относительно их определения. Так, исходя из широко известной дефиниции Валерия Тишкова, этническим можно считать такой конфликт, в котором по крайней мере одна из сторон сформирована по этническому принципу⁷. При кажущейся убедительности такого определения оно имеет свои недостатки. Его неточность особенно заметна при сопоставлении дефиниции с действительностью. Во-первых, даже одну из сторон конфликта, как правило, трудно определить в качестве гомогенной этнической общности. Например, в приднестровском конфликте не только на стороне жителей Приднестровской народной республики, но и в рядах молдавской армии сражались представители разных национальностей. Также этнически разнородным был состав участников обеих сторон грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Во-вторых, ни в одном из известных этнополитических конфликтов его стороны не представляли интересов всей этнической общности. Всегда были люди, которые отказывались от поддержки конфликтных действий «своих» соплеменников, осуждая насилие как способ разрешения межэт-

⁴ *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley, Cal., etc., 1985. P. 18–21.

⁵ *Marshall M.G.* Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed. by Carment D., James P. Pitsburg, PA, 1997. P. 82.

⁶ *Rothman J.* Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997. P. 35.

⁷ *Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Часть I. М., 1992.

нических противоречий или по другим причинам.

В связи с этим, на наш взгляд, ближе к истине те исследователи конфликтов, которые определяют этнические (этнополитические) конфликты не по реальному составу их участников, а по *символической общности* (от имени которой происходит консолидация)⁸. Двигаясь в этом направлении, мы предлагаем считать этническими такие конфликты, которые ведутся *от имени этнических общностей* (вне зависимости от того, насколько участники конфликта представляют эту общность) и *провозглашаются*, декларируются как *«борьба за интересы своего народа»*. Подчеркиваю, мы предлагаем акцентировать внимание исследователей на декларируемых целях, по которым в аналитических целях можно определить тип конфликта. Реальные же цели конфликта могут существенно отличаться от декларируемых и практически не поддаются верификации. Реальные цели не только скрыты от наблюдателя, они не всегда ясны и самим участникам конфликта, поскольку социальные, экономические политические и культурно-символические цели конфликтов неразрывно переплетены. Кроме того, даже внутри одного лагеря (одной стороны) конфликта могут существовать разные группы по интересам и целям. Например, они могут быть неодинаковыми у лидеров национального движения и тех, кого они ведут на борьбу.

Накануне распада СССР и в постсоветское время в России именно этнические символы и этнонационалистические декларации чаще всего становились основой для консолидации сторон крупных вооруженных конфликтов. В начале 2000-х годов отчетливо проявились и другие основания для консолидации конфликтующих сторон, прежде всего это религиозные

символы. В ряде республик Северного Кавказа, в наибольшей мере в Дагестане, с конца 1990-х – начала 2000-х годов разгорелась вооруженная борьба между сторонниками традиционного суфийского и нового салафитского течения ислама. Конфессиональная основа мобилизации в этом регионе стала преобладать над этнической. Как этнические, так и конфессиональные конфликты мало отличаются друг от друга по характеру их влияния на миграционные процессы, и поскольку одной из основных задач статьи является установление взаимосвязи между исторически обусловленными конфликтами и современными миграционными процессами, мы (чтобы не усложнять восприятие) не будем специально выделять конфессиональные конфликты.

Тенденции изменения взаимосвязи этнических конфликтов и миграционных проблем

Постсоветская Россия в разные периоды своей пока недолгой истории столкнулась с двумя разными типами этой взаимосвязи. В 1990-е годы этнические конфликты были источником массовых вынужденных миграций. В первой декаде 2000-х годов внимание общества и власти стали приковывать столкновения между мигрантами (прибывшими в Россию в разные годы и по разным причинам) и принимающим населением. Для нас очевидна глубокая историческая взаимосвязь между двумя типами конфликтов.

«Вертикальные» конфликты, или «конфликты суверенизации». Это столкновения национальных движений с властью (с полицейскими силами или даже с регулярной армией). Большую часть этнических конфликтов, разразившихся в 1990-е годы, можно назвать

⁸ См.: Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкот, В. Тишкова и А. Малашенко. Московский Центр Карнеги, 1997. С. 225–250.

«вертикальными», поскольку они были направлены как бы «снизу» (со стороны лидеров национальных движений) «вверх» – к властям. Требования национальных движений сводились тогда к изменению статуса территории проживания – от полного суверенитета до повышения уровня автономии республики, которая объявлялась «национальным достоянием» той или иной этнической общности. Все «вертикальные» конфликты, «конфликты суверенизации», так или иначе, отражали процесс дезинтеграции Советского Союза. Одним из первых проявлений этого процесса стал карабахский конфликт, начавшийся в 1988 году⁹. Он открыл собой череду длительных вооруженных конфликтов (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, осетино-ингушский, приднестровский и чеченский), в которых участвовали регулярные армии, использовавшие тяжелое вооружение. Такие конфликты соответствуют понятию «война». В районах, непосредственно затронутых боевыми действиями, а также вспышками межэтнических столкновений, которые им сопутствовали, проживало не менее 10 млн человек¹⁰. Все эти конфликты обусловили появление в России в середине 1990-х годов основной массы вынужденных переселенцев и беженцев.

Из 1612,4 тыс. вынужденных мигрантов, зарегистрированных в России с 1992 по 2001 год, две трети прибыли до 1995 года¹¹. Как отмечает Никита Мкртчян, «в то время в некоторые месяцы регистрировалось столько же вынужденных мигрантов, сколько за весь 2001 год. Этому способствовал ряд объективных и субъективных факторов. Прежде всего – наличие на постсовет-

ском пространстве вооруженных конфликтов»¹².

В процессе распада Советского Союза обострились сепаратистские тенденции и внутри России. К концу 1991 года все республики Российской Федерации приняли декларации о суверенитете. Чем настойчивее были притязания национальных движений, тем жестче становилась ответная реакция федерального центра. По уровню радикальности требований, предъявляемых российским властям национальными движениями, все внутренние этнотерриториальные конфликты России могут быть отнесены к четырем группам:

- конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относился только чеченский конфликт, который породил две вооруженные кампании (1994–1996 и 1999–2000 годов);

- конфликты, связанные с односторонним повышением статуса республик, объявлением их «субъектами международного права» или включением в республиканские конституции других норм, противоречащих федеральному законодательству, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (республики Татария, Башкирия, Тува и некоторые другие – 1991–1992 годы);

- конфликты, ставшие следствием провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий. На такой основе развивались следующие конфликты: (а) между рядом национальных движений Дагестана и властями республики;

⁹ Началом карабахского вооруженного конфликта считают 20 февраля 1988 года, когда сессия областного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) приняла обращения к Верховным советам СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении. См.: *Зверев А.* Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 19.

¹⁰ См. подробнее: *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 133–141.

¹¹ *Мкртчян Н.* Десятилетие вынужденной миграции в России // Полит.ру [http://www.polit.ru/article/2002/06/26/464308].

¹² Там же.

(б) между балкарским национальным движением и властями Кабардино-Балкарской республики; (в) между лидерами различных этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и казачьи – Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую республики (1992–1994 годы);

- конфликты между соседними республиками, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями. Речь идет прежде всего о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района. Этот конфликт также можно назвать «вертикальным», поскольку лидеры противоборствующих сторон апеллировали к федеральной власти, требуя подтвердить их права на территорию (1992 год).

Все «конфликты суверенизации» в России оказали значительное влияние на поток внутренних вынужденных миграций, пик которых пришелся как раз на время активизации указанных конфликтов. Из 241,4 тыс. внутренних вынужденных мигрантов в России, связанных с межрегиональным перераспределением населения, 67,7% были зарегистрированы в первой половине 90-х годов¹³. Это только мигранты, зарегистрированные в качестве беженцев или вынужденных переселенцев. Большинство же вынужденных мигрантов в России такого статуса не имели. Так, в процессе осетино-ингушского конфликта (1992 год) «практически все ингушское население Северной Осетии – Алании и менее многочисленное осетинское население Ингушетии на многие годы покинули свои дома, процесс их возвращения еще далек от завершения»¹⁴. Чеченскую республику накануне двух военных кампаний, а также в ходе вооруженных столкновений поки-

нули 250 тыс. человек, в основном русских, тогда как после второй кампании (1999–2000 годы) основную долю вынужденных мигрантов составили чеченцы. В течение 2000–2001 годов число тех, кого Мкртчян называет «внутриперемещенными лицами» в Чечне и прилегающих регионах, в отдельные месяцы превышало 400 тыс. человек, часть из которых впоследствии вернулась¹⁵.

Вынужденные мигранты из зон конфликтов (внутрироссийских и зарубежных), в той или иной мере, реально или всего лишь как символ, стали источником или поводом для новых конфликтов уже 2000-х годов. К этому времени фактически независимо от применяемых федеральной властью политических стратегий произошло заметное исчерпание (возможно, временное) инерции распада СССР. Лидеры российских республик, которые в середине 90-х годов активно использовали национальные движения для устрашения Москвы и своего самосохранения, к началу 2000-х отказались от их поддержки, усматривая в этих движениях опасную оппозиционную силу – фактически единственную угрозу сохранения своей монополярной власти. В этих условиях союз с Москвой, прежде всего со структурами федеральной исполнительной власти, обеспечивал нынешним региональным политическим элитам большую уверенность в будущем, чем их прошлый «мимолетный роман» с национальными движениями. Если начало 90-х характеризовалось так называемым «парадом суверенитетов», то период нулевых годов можно назвать «парадом демонстративной лояльности» лидеров республик по отношению к Москве. К этому времени сильно ослабели национальные движения в республиках России. Наиболее успешные их лидеры интегрировались во власть

¹³ Мкртчян Н. Десятилетие вынужденной миграции в России // Полит.ру [http://www.polit.ru/article/2002/06/26/464308].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

или оставили политическую деятельность в пользу бизнеса.

Наконец, к началу 2000-х годов проявилась смена цикла «этнополитического маятника» – спала активность национальных движений этнических меньшинств и начался бурный подъем активности движений, выступающих от имени «русского народа»¹⁶. Так, в 90-х годах в стране насчитывалось буквально несколько десятков человек, которых можно было определить как русских националистов, а в 2001 году их было уже свыше 10 тыс., в 2004 – 33 тыс.¹⁷ Это только по официальным данным, эксперты же указывают на значительно более высокую численность участников ультрарадикальных националистических организаций. По данным «Левада-центра», идея «Россия для русских» в январе 2011 года встречала поддержку 58% жителей России, тогда как в 2010 году ее разделяли 54% россиян, в 2006 году – 50%, в 1998 – 43%¹⁸.

Лидеры русского национализма предъявляли, по крайней мере поначалу, свои требования не властям, а этническим меньшинствам, которые должны были признать особые, преимущественные права «государствообразующего народа». В связи с этим в 2000-е годы изменился тип этнических конфликтов, они утратили свою вертикальную направленность.

Горизонтальные конфликты. Это столкновения между представителями этнических общностей: этнического большинства с меньшинствами; местного населения с пришлым; одних мигрантских групп с другими.

В отличие от «вертикальных конфликтов», которые развивались только

в республиках России, «горизонтальные» конфликты отмечались за период 2004–2012 годов во всех субъектах Федерации, и в наибольшей мере они характерны для краев и областей с преобладанием русского населения. По данным аналитического центра «Сова», насильственные действия, мотивированные этническими или расистскими предубеждениями в отношении этнических меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, ежегодно отмечаются более чем в 40 регионах страны (в 2010 году – проявились в 49 регионах). Местом их наибольшего притяжения стали крупнейшие города страны. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42% всех преступлений на этой почве, на Санкт-Петербург и область – 11–15%¹⁹.

В 2000-е годы проявились две разновидности «горизонтальных» конфликтов. Первую можно определить как *погром*. Это одностороннее, идеологически подготовленное насильственное действие представителей этнического большинства, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств. Термин этот, вошедший ныне в язык права во всем мире, возник в России в конце XIX века, когда в еврейских кварталах некоторых городов устраивались погромы, инспирированные властями по политическим и идеологическим соображениям. Ныне погромы характерны для разных стран мира, и одним из основных объектов такой формы насилия все чаще становятся мигранты²⁰.

Целями погромов обычно является запугивание мигрантов, вынуждение их покинуть территорию. Вместе с тем

¹⁶ О концепции этнополитического маятника подробнее см.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 178–195.

¹⁷ Гирько С.И. Начальник НИИ МВД России. Вступительное слово на конференции «Преступность в России: причины и перспективы» // Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России 27 апреля 2004 года. М., 2004. С. 8.

¹⁸ Национализм в современной России // Демоскоп. 2011. 21 февраля – 6 марта. № 455–456 [http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0455/opros08.php].

¹⁹ Ультраправые на улицах, правоохранители в Интернете. Под ред. А. Верховского [http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/].

²⁰ Санего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.

погром может быть и формой консолидации расистских и националистических организаций, пробой сил на ранних этапах их формирования. Именно этим был мотивирован первый погром в постсоветской Москве 21 апреля 2001 года. По данным следствия, накануне его, в день рождения Адольфа Гитлера, группа скинхедов на импровизированном митинге призвала «разобраться с кавказцами», устроив погром на ясеневском рынке. На следующий день толпа (около 100 человек), большая часть которой состояла из скинхедов в возрасте 12–17 лет, устроила на рынке погром. Используя обрезки металлических труб и камни, молодые люди разгромили около 30 палаток, принадлежавших выходцам с Кавказа²¹. Отсутствие действенного общественного осуждения этой акции подтолкнуло к развитию активности погромщиков, и в том же году (30 октября 2001 года) более 150 таких же молодых скинхедов, вооруженных железными прутьями, устроили погром на Царицынском рынке. После этого уже стихийно возникли столкновения одновременно в нескольких местах: у метро «Каширская» и «Каховская», у гостиницы «Севастополь». В ходе беспорядков были убиты три иммигранта – граждане Азербайджана, Таджикистана и Индии – и более 30 человек получили ранения²².

Другой тип «горизонтальных» конфликтов связан с перерастанием *двусторонних, спонтанных, изначально бытовых столкновений в идеологически мотивированные этнические конфликты*. Классическим примером конфликта этого типа могут служить столкновения в Кондопоге (Карелия). В 2006 году здесь в течение нескольких дней (29 августа – 3 сентября) разрастался межэтнический конфликт, первона-

чальным толчком для которого стал заурядный спор сотрудников одного из ресторанов с несколькими его посетителями. Стороны этого бытового спора представляли разные этнические группы населения. В напряженной и без того психологической обстановке этого оказалось достаточно для вспышки этнического конфликта, в который было вовлечено, в его кульминационной точке, около тысячи человек. В Кондопоге жители, казалось бы, должны были бы терпимо относиться к мигрантам, поскольку население города более чем на 60% состоит из внутренних мигрантов, прибывших сюда после 1959 года, или их потомков. Однако при резком увеличении объемов миграции с Северного Кавказа в 1990-е годы и отсутствии какой-либо политики по регулированию межэтнических отношений сравнительно благоприятная межэтническая обстановка в городе радикально изменилась в худшую сторону.

Весьма примечательны изменения в этническом составе жертв межэтнических столкновений в 2000-е годы, связанные отчасти и с изменением географии иммиграции в России (рис. 1).

До 2006 года в числе жертв «горизонтальных» этнических конфликтов лидировали представители народов Кавказа. В это время и уроженцы стран АТР (Китай, Вьетнам, Корея и др.) опережали в печальной статистике жертв насилия представителей народов Центральной Азии. Ситуация начала меняться с 2007 года, когда быстро стала расти доля уроженцев среднеазиатских республик среди пострадавших от насилия на этнической и расовой почве. С 2008 года представители этой категории мигрантов составляют наибольшую часть убитых и раненых в столкновениях на указанной основе, намного опере-

²¹ В Москве судят шестерых погромщиков // Lenta.ru. 2002. 4 февраля [http://www.lenta.ru/russia/2002/02/04/pogrom/].

²² Суд исключил признание обвиняемого из доказательств по делу о погроме в Царицыно // Lenta.ru. 2002. 16 июля [http://www.lenta.ru/russia/2002/07/16/tsaritsyno3/].

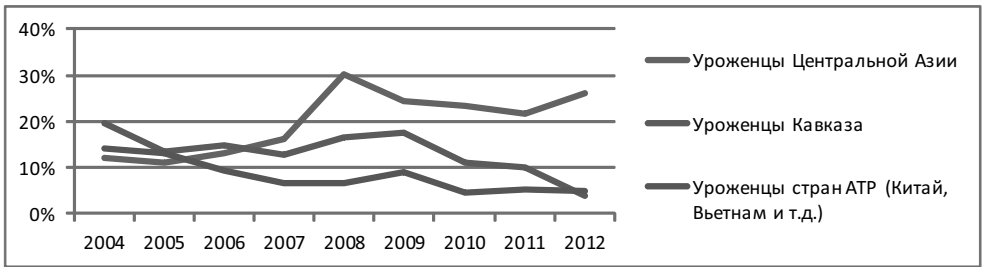

Рисунок 1. Динамика жертв насилия на этнической и расовой почве из числа прибывших в Россию, уроженцев различных регионов и стран мира в 2004–2012 годах (в % к числу убитых и раненых)*

*Рассчитано по: «Статистика расистских и неонацистских нападения за 2004 – 22.06.2012 (по категориям жертв) // Ультрараковые на улицах, правоохранители в Интернете...

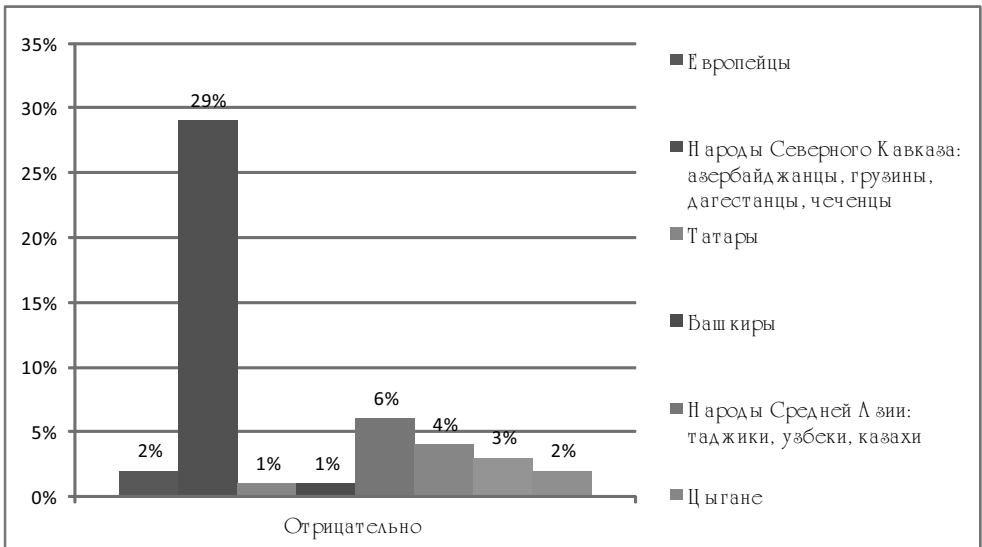

Рисунок 2. Негативное отношение россиян к представителям отдельных национальностей (данные опроса ВЦИОМ, 20 мая 2010 года)

жая все прочие группы, как мигрантов, так и местных жителей.

Примечательно, что по уровню негативного отношения к себе со стороны большинства российского населения лидируют с 90-х годов и по сей день вовсе не выходцы из Центральной Азии, а народы Кавказа, и особенно российского Северного Кавказа. Эти выводы основываются на многолетнем мониторинге «Левада-центра»²³. Подтвержда-

ются они и недавними исследованиями другого научного коллектива (рис. 2)²⁴.

По данным опроса ВЦИОМ 20 мая 2010 года, 29% респондентов признали, что негативно относятся к представителям кавказских народов (этот показатель не меняется с 2009 года) и только 6% опрошенных не испытывают приязни к выходцам из Центральной Азии: таджикам, казахам, киргизам и узбекам²⁵.

²³ Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004. С. 184.

²⁴ См.: Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1498. 2010. 20 мая [http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13515].

²⁵ Там же.

Итак, судя по социологическим исследованиям, уроженцы центрально-азиатского региона меньше притягивают к себе ксенофобию, чем выходцы с Кавказа, но (судя по данным центра «Сова») в большей мере, чем мигранты из всех прочих регионов, становятся в последнее время объектом насилия. Объясняется это парадоксальное явление рядом причин.

Прежде всего, нужно отметить, что не существует прямой связи между уровнем ксенофобии и конкретными насильственными действиями против групп, выступающих в образе «врага» или «неприемлемого чужого». Совокупность социально-политических обстоятельств может либо блокировать ксенофобию, либо, напротив, обуславливать высокий уровень насилия при сравнительно невысоком уровне ксенофобии. Мы еще вернемся к этому важному тезису, а пока отметим, что заметный рост численности мигрантов из Центральной Азии, которая к концу первой декады 2000-х годов стала основным поставщиком иммигрантов в Россию, увеличил вероятность межэтнических столкновений. Важно отметить, что в составе иммигрантов из центральноазиатских стран в 90-е годы преобладали русские, а в 2000-е годы начали преобладать представители коренных национальностей: казахи, киргизы, таджики и узбеки. У этих этнических сообществ в меньшей мере, чем у народов Кавказа (особенно Северного Кавказа), проявляется внутренняя групповая сплоченность. Мигранты из Центральной Азии в силу множества обстоятельств часто вынуждены вступать во внутриэтническую конкуренцию. Например, на рынке труда их способность к совместной, групповой самозащите проявляется слабее, чем у мигрантов из республик Кавказа. Эти обстоятельства, характеризующие различия как традиционных культур, так и современных условий жизни у мигрантов из Центральной

Азии и Кавказа, обуславливают неравные возможности в обеспечении их безопасности при слабо развитой (как в России) институционально-правовой базе для адаптации мигрантов к новым культурным условиям и их интеграции в принимающее сообщество.

Казалось бы, «горизонтальные» конфликты, в отличие от «вертикальных» («конфликтов суверенизации»), нельзя назвать этнополитическими, поскольку они, на первый взгляд, сугубо бытовые и лишены социально-политической основы. Однако такой вывод был бы неверен. В этнических погромах, прокатившихся в 2000-е годы по всей России, одним из основных мотивов нападавшей стороны была месть за то, что этническим меньшинствам покровительствуют коррумпированные власти. На этой же основе в декабре 2010 года состоялась многотысячная демонстрация на Манежной площади Москвы, а затем волнения охватили 15 городов России. Поводом для них стала уверенность футбольных болельщиков (возможно, неоправданная) в том, что выходцы с Северного Кавказа, замешанные в убийстве Егора Свиридова (одного из лидеров движения футбольных болельщиков), были отпущены на свободу в результате подкупа полицейских²⁶. Такие подозрения в отношении властей весьма характерны для России, общий уровень доверия в которой (как вертикального – к власти, так и горизонтального – взаимного доверия) оценивается по результатам многочисленных сравнительных исследований как один из самых низких в мире. Низкое доверие в обществе является неизбежным следствием высокой коррупции в государстве. Исследования «Левада-центра» показывают, что существует следующая зависимость: обращение коллективного гнева на приезжих тем сильнее, чем слабее чувствуют себя горожане перед лицом своей собственной бюрократии, ее произвола. «Недовольство “мигалками” и недовольство “приезжими” не случайное

²⁶ Дело об убийстве футбольного болельщика Егора Свиридова // РИА Новости. 2012. 8 июня [http://ria.ru/spravka/20120608/668811903.html].

совпадение, – отмечает социолог Алексей Левинсон, – между ними незримая, но прочная связь... Наши исследования показали, что, как только возникла надежда, что общество сможет обуздать произвол бюрократии, как только стал виден ее испуг, претензии к приезжим отошли на четвертый-пятый план»²⁷.

Угрозы новых этнических конфликтов и подходы к их предотвращению

Новые обстоятельства: сочетание «горизонтальных» и «вертикальных» конфликтов. Казалось бы, «вертикальные конфликты» ушли в небытие и их полностью вытеснили в 2000-е годы конфликты «горизонтальные», межэтнические. Но в начале второй декады 2000-х годов в этнополитической ситуации в России в очередной раз проявились кардинальные перемены. Протестные движения в Москве и ряде других городов в 2011–2012 годах, поводом для которых стало недоверие к итогам парламентских и президентских выборов, показали, что значительная часть русских националистов перешла в оппозицию федеральной власти. Еще недавно, в начале 2000-х годов, власть и русские националисты были союзниками, защищали единую и неделимую Россию и вместе боролись с сепаратистами, а в 2010 году русские националисты первыми выдвинули ультрасепаратистский лозунг «Долой Кавказ», и он нашел поддержку в общественном мнении. По данным опроса одного из российских информационных агентств, проведенного среди 11500 человек в декабре 2010 года, на вопрос «Как Вы относитесь к идее отделить от России три кавказские республики – Ингушетию, Дагестан, Чечню?» 73,7% ответили: «Полностью поддерживаю», и еще 2,4% поддерживают с отсрочкой решения – «пока еще рано»²⁸.

Итак, русские националисты вступили в конфронтацию с властью по вопросу о целостности страны и не отказались от идеи «Россия для русских», которая устойчиво воспринимается крайне негативно представителями всех этнических меньшинств России. В таких условиях велика вероятность сочетания и одновременного проявления как «горизонтальных» конфликтов между представителями этнического большинства и меньшинствами, так и «вертикальных» конфликтов (национальные движения – власть).

Официальная политика. Федеральная власть не может управлять национализмом, но способна его подталкивать. После этнического конфликта в Кондопоге (2006) власти заговорили о необходимости «обеспечения преимуществ коренному населению»; после войны с Грузией (2008) – заявили о введении процентных квот для проживания иностранцев. После событий на Манежной площади на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 27 декабря 2010 года речь зашла не только об ограничениях въезда в Россию граждан других стран, но и об ограничении регистрации внутренних мигрантов – российских граждан, переезжающих из одного региона своей страны в другой. Эскалация уступок возбуждает эскалацию требований. Националисты сегодня требуют не только ограничения въезда «чуждых» национальных групп в Москву и другие крупнейшие города, но и депортации ранее прибывших. А как на это ответят этнические меньшинства?

Опасность такого ответа не только в том, что увеличится число локальных стычек на этнической основе, которые и сегодня покрыли всю страну. Ответ меньшинств чаще носит несимметричный характер. Если в русской среде происходит возгонка социальной

²⁷ Левинсон, А. Откуда гнев на приезжих // Левада-центр. 2012. 25 июня [http://www.levada.ru/25-07-2012/otkuda-gnev-na-priezhikh].

²⁸ Агентство «Новый регион». 2010. 21 декабря [http://www.nr2.ru/voting/218.html].

активности в этническую, то в республиках России, исторически связанных с исламом, этническая мобилизация сменяется еще более опасной – религиозной, при этом в крайне радикальных и нетрадиционных для России формах продвижения салафитского течения. Этот процесс, начавшийся в конце 1990-х годов на Северном Кавказе, сейчас все шире проявляется уже и в самом центре России – в республиках Поволжья. Заместитель муфтия республики Татарстан Валиулла Якупов (убитый в июле 2012 года) в 2010 году отмечал, что «большинство молодежи является носителями привнесенной из-за рубежа религиозной культуры, которую можно назвать ваххабизмом. Сами они предпочитают называть себя салафитами». И далее давал такой прогноз: «Зная эволюцию этого течения на примере республик постсоветского пространства, в которых исламизация выше татарстанской, мы можем видеть, что нас ждет»²⁹.

А что ждет всю страну? Пока велика вероятность растущей радикализации противоборствующих групп расколотого общества. Федеральная власть ни в 1990-е, ни в 2000-е годы так и не сформировала стратегию своих действий в ситуации роста этнических конфликтов. Тогда и сейчас власти действуют вдогонку за событиями, используя самый неэффективный, мучительный метод «проб и ошибок».

Мировой опыт указывает на несколько основных направлений противодействия этническим конфликтам. Одно из них связано со снижением ксенофобии за счет развития программ воспитания толерантного сознания и других социально-психологических мероприятий. Важным направлением противодействия этническим конфликтам является создание благоприятных условий для интеграции меньшинств из числа мигрантов в принимающее сообщество. Мы предлагаем сосредоточиться на

еще одном направлении политики снижения этнополитической напряженности. Оно связано с *предотвращением перехода ксенофобии идей в ксенофобию действий*. Речь идет об усилиях властей и общества, направленных на блокирование опасных последствий ксенофобии в массовом сознании. Такой барьер способно выставить демократическое правовое государство, контролируемое гражданским обществом и опирающееся на него. Присущие такому государству политические условия создают *возможность выживания, самореализации и обеспечения безопасности меньшинств даже в условиях сравнительно высокой ксенофобии как состояния массового сознания*. Например, в США после 2001 года значительно возрос уровень исламофобии, однако она не переросла в межгрупповые столкновения. Развитая сеть исламских организаций США выступает надежным механизмом самозащиты исламских меньшинств, две трети из которых – исторически недавние мигранты³⁰.

В России, казалось бы, существует правовая база для включения общественных организаций, сформированных по этническому признаку, в сеть институтов гражданского общества – это Федеральный закон о национальной-культурной автономии (НКА) от 22 мая 1996 года. В то время создание НКА считалось среди экспертов и представителей власти альтернативой сепаратизму и этническим конфликтам, а также стержнем всей этнической политики России. Однако внимательный анализ как сущности самого закона, так и практики его реализации показывает, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Как отмечает Александр Осипов, сегодня невозможно даже определить общее число НКА, поскольку Федеральный реестр НКА находился в ведении Министерства по делам национальностей, а после ликвидации ми-

²⁹ Ваххабизм в России должен быть запрещен // Интерфакс. 2010. 16 мая [http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=interview&div=267&domain=3].

³⁰ См.: *Слова М.Н.* Блеск и нищета американского мультикультурализма // Этнополис. 2009. № 1. С. 83–92.

нистерства в октябре 2001 года он не пополнялся³¹.

Один из основных принципов НКА – это соединение общественной инициативы с государственной поддержкой. Однако положения, касающиеся предоставления НКА такой поддержки, допускают различные толкования, поэтому на практике они по-разному интерпретируются органами государственной власти, как федеральными, так и региональными. В результате НКА не всегда получают причитающиеся им блага или получают нерегулярно и в очень ограниченном объеме. Власть не считается с ними или считается не больше, чем с любыми другими общественными организациями, созданными по этническому принципу³². Иными словами, закон об НКА оказался сугубо декларативным.

Одним из общепринятых в современную эпоху защитных барьеров на пути перерастания ксенофобии как состояния массового сознания в групповые конфликты, в действия, угрожающие жизни представителей меньшинств или препятствующие реализации их потребностей и интересов, является законодательство в сфере противодействия этнической, расовой и религиозной дискриминации. В мировой практике сложились основные требования к антидискриминационному законодательству³³. Ряд федеральных законов России содержит понятие «дискриминация». Наиболее подробные положения, относящиеся к равенству и запрету дискриминации, приводятся в Трудовом кодексе РФ, и на первый взгляд они обеспечивают защиту от дискриминации в сфере труда. Однако правоведы отмечают два фундаментальных недостатка этих норм. Во-первых, это нормы отраслевого законодательства, не вмонтированного в полноценное антидискриминационное.

Во-вторых, (и, наверное, это их главный недостаток) они не имеют практического значения. Как в теории, так и на практике остаются не проясненными вопросы, при каких обстоятельствах, в чей адрес и какие именно требования можно заявлять при предполагаемом нарушении. Не существует также установленных процедур выявления дискриминации. В России отсутствуют административные механизмы противодействия дискриминации: на государственные и муниципальные органы управления непосредственно не возложена обязанность решать такие вопросы.

В вертикальном государстве законы защищают власть и политический строй, а не рядового человека. Этим определяется фундаментальная проблема постсоветского, в том числе и российского, законодательства в сфере защиты прав человека – оно декларативно и лишь имитирует защиту прав гражданина. Но в этом случае оно не только неспособно предотвратить массовые волнения и межгрупповые конфликты, но и само провоцирует их.

В России давно назрела необходимость восприятия универсальной тенденции «гражданизации» этнических и религиозных сообществ – включения их в систему институтов гражданского общества. Еще очевидней необходимость создания в России антидискриминационного законодательства, соответствующего мировым нормам. Все это могло бы стать барьером для роста этнических конфликтов. Вместе с тем все яснее становится, что такие перемены невозможно осуществить «в розницу», они станут реальностью лишь в комплексе мер по становлению в России правового государства и гражданского общества, если наше государство начнет продвигаться в этом направлении.

³¹ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): материалы международного семинара / под ред. Н. Багдасаровой, М. Глушковой, Н. Асылбековой. Бишкек, 2004. С. 151–184.

³² Там же.

³³ Прохорова А. Евразийский союз и будущее миграционной политики России: антидискриминационное законодательство как условие успешной евразийской интеграции // Демоскоп. 2012. 4–7 июня. № 513–514 [http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit05.php].